

Посвящается российским солдатам на Украине

Аты-баты, аты-баты –
Взяли дети автоматы.
В боевом строю – мужья.
Рядом с ними Бог и я –
Мать, жена и рядовая.
Рвётся в хлам передовая.
Выпирают у врага
Сатанинские рога,
Стынет жутью в реках-венах
Кровь безвинно убиенных,
И не может вражья пасть
Той крови напиться всласть.
Аты-баты, аты-баты.
Кулаки до боли сжаты.
Испокон... у русских есть
Совість, Родина и честь!
Коль закрыть глаза, то кто же
Братьям силою поможет?
– Слышишь, дед, сужаем мы
Фронт коричневой чумы!

Доля женская – молиться.
Взмою ангельскою птицей,
Призову господню высь:
– Только, родненький, держись!

Фонарь

Фонарь фигурую не блещет.
Одни и те же носит вещи.
И неуклюж, и долгоног...
Но в тощем теле – мощный ток
Стремится вверх по медным венам.
И с виду всё обыкновенно.
Но, свет идущему даря,
Горит душа у фонаря.

Не поётся мне нынче весною.
Сизой дымкою утро горчит.
Словно вторя далёкому бою,
Небо граем пронзают грачи.
Вроде, вот оно – поле родное,
Чернозёма весенняя голь,
Но карябает по сердцу, ноет
Эта птичья охрипшая боль.
И всё чудится мне, что чумазым
Скопом рвутся с небес невпопад
И на миг опускаются наземь
Опалённые души солдат.
Словно кто-то в заоблачье торном
Удержать эту ношу не смог,
И сливаются – чёрным на чёрном –
Жадно пробуя жизнь на зубок...
Гладит вечность их перья-одежды.
А весна где-то в пекле смертей
Вдруг затеплилась светом надежды
В тьме подвалов глазами детей.

Гиперболы, параболы –
Судьбы моей следы.
Зиме истечь пора была
До тоненькой слюды...
– Оттаю ли?

Да что же я? –

Пробудятся ручьи –
Калики переходящие,
Чьи речи горячи.
И звонкой скоротечностью
Растопят глыбы сна.
И руки бесконечности
Протянет мне Весна.

Был так нелеп июньский день,
Так не похож на братьев:
Холодный, хмурый, чуть задень –
И в слёзы, не унять их.

И то, что сердцем прочтено,
Во мне рождало жалость.
Я сквозь больничное окно
Помочь ему пыталась:

Шептала нежно и тепло,
Что время, словно птица.
Но мне сегодня повезло –
Как заново родиться.

Я – только хрупкий стебелёк
В руке его могучей.
А он сберёг меня, сберёг
Сквозь морось, стынь и тучи.

Закутало утро в пелёны
Живые картинки весны.
Запутались тропки в белёных
Околках родной стороны.
Иду и рифмую, на милость
Природы надеясь сполна.
И кажется, остановилась
Послушать меня тишина.
А с нею – подлесок на вырост...
И вновь молодеющий лог.
И всё, что на встречу – не выдаст
Моих неотточенных строк.

А небо, словно половодье –
Куда ни глянь, повсюду синь.
И серебрятся в сини вроде
Не облака, а караси.

Плывут, беспечные, как дети,
Немую вечность шеveledя,
А там, внизу, в свои же сети
Попав, запуталась земля.

Тучи бублик неба сгрызли.
Ветер бродит на бровях.
Листьев бронзовые брызги
Задержались на ветвях.

Гложут смешанные чувства –
То ли слёзы, то ли смех.
Это осень сеет густо
То ли дождик, то ли снег.

Над сентябриновым околком
Сгущалось небо, взглядом колким
Пронзая красочную сень.
Шуршали листья крепдешином,
Жужжала жизнь в гнезде осином,
И паутиной вился день.
А ветер, словно по привычке,
Берёзку дёргал за косички,
Как забияка-мальчуган.
Кто знает, может так искусно
Скрывал он трепетные чувства,
Что глубиною с океан?

Зашуршала улица листвою.
Мёрзнет утро. Вдоль дороги – двое.
Вроде рядом, а мирами – врозь.
И миры не сходятся, хоть брось.

Путь в колдобинах. Колдует осень.
Лужи корками хрустят. Несносен.
Прожигает мысли лёд обид,
Но душа с душой не говорит.

Им рукой... до горя, до недуга.
А ведь так легко спасти друг друга:
Заглянуть в родные озерца,
Отогреть замёрзшие сердца.

Ещё не зима, но колдует пурга
На зыбком краю ноября,
И сердце её сквозь густые снега
Горит янтарём фонаря.

Бреду в пелене необузданных сил.
Снежинки – то вниз, то на взлёт,
Да ветер в тоске удила закусил
И душу на ленточки рвёт.

Но завтра на милость сойдут облака,
И солнцем запляшет зенит.
Припомнит весеннюю негу строка
И музыкой с крыш зазвенит.

Разливается солнце по далям.
Утро. Снег на полях бледно-розов.
А зима наступает по Далю –
От начала снегов и морозов.

Всё, как прежде: прозрачны околки,
И слепит тишина до предела.
И светило в небесной светёлке
К благодати земной охладело.

Но сквозь белые, хрусткие комья,
Словно пробуя образ дикарки,
Пробираюсь по стыни пешком я
Так, что сердцу становится жарко.

Памяти Н. И. Годины

О времена, вам в сердце тесно –
То нерушимы, то лихи.
Но как умело, как чудесно
Он вас вдыхал в свои стихи.
Молчком, вполслуха, цепко, жадно,
В трудах, из коих выросстал,
Сгорал он сердцем многократно,
И многократно воскресал:
То белым поясом околка,
То медным грохотом сосны...
Избой с дырявой треуголкой,
С глазами, полными весны.
И в духе лучшего поп-арта
Он мог излить колхозный быт,
Что вновь садило нас за парты
С дилеммой – быть или не быть.
И мы – когорта желторотых –
Ему давались нелегко.
«Он делал трудную работу –
Работа делала его».
И всё ж осин потухли свечи,
Затон небес затосковал,
И сник под траурные речи
Миасс, а с ним и весь Урал.
Но смерть – не гибель для поэта,
А к звёздной вечности мосток.
Он и сейчас незримо где-то
Корпит над тайнописью строк.

Аркаим

Здесь под утро в низинах туманы,
Словно сотканы из облаков.
Здесь хранят золотые курганы
След затерянных прапрапрадедов.

И вздыхая о тающем лете,
На своей аркаимской волне
Местный дух на бамбуковой флейте
Признаётся в любви тишине.

Здесь с восходом полна Караганка
Снежных лилий, их танец крылат.
И диковинной музыкой Ханга
За холмы уплывает закат.

И легендами земли богаты,
И неведомой силы полны.
И звенят, необъятным объёты,
Как поющие чаши – холмы.

Здесь роднятся в теории новой
Мусульманин, индус, иудей...
А по вечности бродят коровы,
Землю предков считая своей.